

Глеб Кашеев

САМАЯ БОЛЬШАЯ ЛУНА

ИСПЫТАНИЕ ЧУВСТВАМИ

ЧИТАЙТЕ КНИГУ - СМОТРИТЕ ФИЛЬМ

Самая большая Луна (КИНО)

Глеб Кащеев

**Самая большая Луна.
Испытание чувствами**

«Издательство АСТ»

2024

УДК 82-31
ББК 84(2)

Кащеев Г. Л.

Самая большая Луна. Испытание чувствами / Г. Л. Кащеев —
«Издательство АСТ», 2024 — (Самая большая Луна (КИНО))

ISBN 978-5-17-160317-5

«Самая большая Луна» – фэнтезийный фильм режиссёра Алексея Попогребского и сценариста Елены Ваниной. Эта история – о верности и предательстве, жажде власти и муках выбора и, конечно, о любви. В книге – первая часть истории в авторском прочтении Глеба Кащеёва, многократного победителя литературных конкурсов в номинации «фэнтези». Среди людей живут эмеры. Внешне они ничем не отличаются от нас, но обладают уникальной способностью – умеют управлять чужими эмоциями. Эта сила дарит удивительные возможности, но обрекает на одиночество. А теперь – и на постоянную борьбу за выживание. Сверхлюди столкнулись с вызовами, с которыми не справится никто, кроме самого могущественного эмера на свете – Избранного... Неожиданно для всех им оказывается хрупкая девушка, которую всю жизнь ограждали от любых эмоций. И она пока не знает, что владеет силой, способной как спасти мир, так и разрушить...

УДК 82-31

ББК 84(2)

ISBN 978-5-17-160317-5

© Кащеев Г. Л., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глеб Кашеев
Самая большая Луна.
Испытание чувствами

По мотивам оригинального сценария Е. Ваниной и А. Попогребского

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Москва, наши дни.

Жанна окинула взглядом зал и решила, что пора. Зрители упоенно наблюдали. Когда стоишь на сцене перед двадцатью тысячами, нельзя рассмотреть глаза отдельных людей – можно уловить только общее настроение. Пока она произносила речь, желто-розовый цвет воодушевления постепенно разгорался и теперь наконец пылал ярким пламенем. Ей опять удалось зарядить всех. Все двадцать тысяч. Можно было заканчивать.

«Вселенная откликнется, если ваше желание настолько сильно, что вы искренне верите в его исполнение! Помните, что одной визуализации недостаточно! Конечно, нужно постоянно держать свою цель в голове, но еще обязательно надо верить! Верить всем сердцем, и тогда у вас все получится. Вот я верю, что, когда мы соберемся здесь через три года, я увижу те же лица, но это будут успешные, богатые и счастливые люди, которые придут только для того, чтобы сказать мне спасибо. Дерзайте, желайте, действуйте смело и не теряйте концентрации!»

Жанна раскинула руки в стороны характерным жестом Тони Старка из фильма. Зал взорвался овациями. Теперь можно было собирать жатву. Она закрыла глаза, погрузилась в желто-розовый и взяла у каждого участника встречи по крупнике – по сотой доле процента от сильнейшего прилива воодушевления, которым она их только что зарядила, – но от такой толпы все равно энергии получилось столько, что закружилась голова.

Главное не перебрать, чтобы легкая эйфория не превратилась в наркотическое опьянение, которое захочется повторять снова и снова. Как и алкоголь, подзарядка эмоциями хороша только в меру.

Жанна с трудом ушла со сцены, стараясь не выдать, что ее пошатывает. Там ее подхватил под руку секретарь и довел до гримерки, где она наконец упала в кресло и расслабилась.

Подобные выступления приходилось устраивать раз-два в месяц, и они здорово выматывали. В двадцать она могла отжигать перед небольшими группами чуть ли не каждый день, но, став вдвое старше, предпочитала выходить к людям все реже, а потому залы надо было выбирать такие, чтобы вместились как можно больше зрителей. Дело было вовсе не в деньгах, хотя это приятное дополнение. Просто она не могла жить без энергии восторженных взглядов, а собирать ее по небольшим залам стало опасно. Чем меньше берешь у каждого, тем меньше это заметно. К тому же, по слухам, чертов ЭМРОН был способен фиксировать резкие необычные изменения эмоций, так что теперь приходилось вести себя вдвойне осторожно. Если высасывать, то минимум от каждого. Для этого и требовалась толпа.

Жанна, не обращая внимания на секретаря, положила ноги в туфлях от Джимми Чу на туалетный столик, откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза. У нее было законное право хотя бы полчаса наслаждаться покоем, однако ее помощник вежливо покашлиал, осторожно давая понять, что сейчас такая роскошь недоступна. Она недовольно застонала, приподняла голову и с укоризной посмотрела на него:

– Что еще? Неужели нельзя было подождать?

– Жанна Аркадьевна, прошу прощения. Запрос от депутата по поводу предвыборной кампании. За время выступления он позвонил четырнадцать раз. Помните, вы ему помогали на прошлых выборах?

– Лузер и читер, – сказала она, поморщившись. – Честно он выиграть не может?

Секретарь терпеливо ждал. Он уже знал, что перед тем, как отдать распоряжение, начальница любит поворчать, порассуждать и почитать мораль.

– Постарайся набить цену, – сощурившись, проговорила она. – Скажи, что у меня очень жесткий график и я вряд ли найду время заняться его проблемой. Пусть в ответ предложит что-то посущественней, чем в прошлый раз. Намекни ему, чтобы проявил фантазию. Хотя откуда она у этого разжиревшего питекантропа?

Секретарь вежливо улыбнулся и сделал пометку в блокноте.

Он быстро запомнил, что появляться рядом с начальницей с планшетом, ноутбуком или смартфоном не стоит.

– Да... и скажи моему водителю, чтобы подогнал машину к черному ходу. Не хочу сегодня нарываться на журналистов.

Жанна послала молодому человеку импульс, передав часть огромного заряда, который только что получила от зала. Опыт его предшественников научил ее, что деньги сами по себе редко обеспечивают лояльность. Сколько ни предложи, через какое-то время человек начинает воспринимать это как должное, требовать прибавки и искать варианты работы поинтереснее. Зато эмоции могут обеспечить фанатичную преданность и держать слуг на очень прочном и коротком поводке.

Юноша восторженно посмотрел на нее, кивнул и исчез за дверью.

«Хороший парень. Очень удачная находка. Жаль, что человек. В делах семьи его помощь была бы незаменима», – подумала она.

* * *

Служитель крематория догнал священника уже возле самого выхода.

– Отец Димитрий, погодите. Там просят еще одно отпевание. Прямо сейчас.

Священник обернулся и бросил него полный недоумения взгляд.

– Что значит сейчас просят? Следует заказывать заранее. Мое время закончилось, у меня еще дела сегодня.

– Там парня хоронят. Мать совершенно не в себе, а друзья про отпевание не подумали. Молодежь, сами понимаете. Только сейчас спохватились... Очень прошу, войдите в положение...

Отец Димитрий взглянул на работника. Подобное участие и заботу служители проявляли только за очень крупные суммы. Если он сейчас откажется, то отношения с этим парнем испортит надолго. Димитрий вздохнул, молча кивнул и пошел обратно в зал.

Молодой. Это означало много слез и горя. Совсем не то, что со стариками – там даже родные дети иногда смотрят на гроб равнодушно, а уж остальные и вовсе больше озабочены мыслями о распределении наследства, чем переживаниями об усопшем.

По рассказу служителя отцу Димитрию показалось, что попрощаться с покойным пришла только матушка да пара-тройка верных друзей, которые и проспонсировали срочное отпевание, но в зале было неожиданно многолюдно. Его опытный взгляд по всполохам цвета сходу выхватил мать – на ней лица не было. Женщина еле стояла на ногах. Ее поддерживал под руку родственник – скорее всего брат, а не муж. Лицом похож, да и слишком спокоен для отца, потерявшего сына, хотя, конечно, тоже горюет. Димитрий видел и в нем темно-синие всплески. Отца, кстати, в зале не было. Значит, мать-одиночка. Поди, единственный сын. Плохо дело. Горя здесь столько, что вытерпеть бы. Ладно мать, так и друзья, которых собралось больше

дюжины – и все, как один, почему-то в похожих темных куртках, – тоже совершенно искренне роняли слезы. Покойник явно был хорошим товарищем. Его любили. В наполненном зал темно-синем цвете можно было утонуть.

Димитрий, едва войдя, сразу зачерпнул эмоции матери, чуть погасив их яркость. Голова закружилась, и он оперся рукой на подставку для Писания. Если так пойдет дальше, его самого отсюда под руки выносить будут. А не взять – тоже нельзя. Оставить людей наедине с таким горем не позволит сердце.

Его изрядно покачивало, и, чтобы окружающие не заподозрили, что он пьян, Димитрий, держась за подставку, медленно достал Библию и начал ее листать. Головокружение постепенно отступало, переходя в растекающуюся по венам эйфорию и энергию. Он еще раз внимательно оглядел стоящих у гроба и только тогда заметил за спинами друзей покойного знакомую короткую стрижку на белокурой голове. Димитрий удивленно поднял бровь. Девушка поняла, что ее обнаружили, и начала проталкиваться вперед.

Димитрий не ошибся. Это была Алиса. Даже в крематорий она умудрилась припереться в неуместном белом мотоциклетном костюме. Встретить ее тут, на работе, а не дома, было неожиданностью, но зато теперь картина предельно прояснилась. Можно было поспорить, что юноша тоже гонял, как безумный, и в конце концов, разбился на байке. Наверняка попытался догнать эту бесстрашную белобрысую оторву. Отсюда и столько горя. Да и кто именно сунул взятку служителю крематория, тоже долго гадать не приходилось. Тем более что для Алисы их встреча точно сюрпризом не стала.

Она подошла к Димитрию и заговорила шепотом, повернувшись спиной к остальным:

– Это я тебя позвала. Помоги. Ты же видишь, в каком они состоянии.

– Почему так внезапно? Заранее подумать не могла? Вчера бы дома предупредила, я бы подготовился.

– Только сегодня узнала, что Саша был некрещеный, и поэтому никто об отпевании не подумал. Типа нельзя же. Думали, что все попы откажутся. Но, как ты понимаешь, я тебя не для обряда пригласила.

Димитрий с упреком заглянул в ее большие голубые глаза, тяжело вздохнул и продолжил приготовления. Парень еще и некрещеный. Если это откроется – у него будут большие проблемы. Хотя кто тут пожалуется?

– Забери у них горе. Слышишь? – настойчиво приказала Алиса.

– Уже, – коротко ответил он, даже не взглянув на нее.

Она обернулась на рыдающую мать.

– Не похоже. Еще! К черту ваши с мамой правила! У тебя самоконтроль лучше всех: один раз поймав кайф, уж ты-то на него не подсядешь.

Димитрий решил, что это переходит все границы. Нужно будет обязательно поговорить с Жанной о поведении ее дочери.

– Я взял столько, сколько нужно, – резко и твердо произнес он. – Думаешь, мать простит себя, если на похоронах сына останется равнодушной? Да она после этого будет непрерывно корить себя, мучаться от чувства вины и в результате помрет от онкологии через пару лет. Ты этого хочешь? Ей нужно выплакать горе здесь и сейчас. После меня непосильным для нее оно уже не будет. Так что не сопливой семнадцатилетней девчонке учить меня моей же работе. Иди к остальным, а то на нас уже косятся.

Он зажег ладан в кадиле и начал службу, тщательно приглядываясь к стоящим перед ним людям: у кого еще нужно погасить сильные синие всполохи, чтобы они не выжгли душу и не нанесли физического ущерба. Потому он и заметил высокого русоволосого парня, не сводившего с Алисы глаз. Вернувшись к друзьям, она встала рядом с ним, а юноша якобы ради поддержки положил ей руку на плечо.

Димитрий тяжело вздохнул. Только этого не хватало. Еще один сюрприз для Жанны. Да и этого русоволосого юношу было откровенно жаль.

* * *

Алиса с Алексеем вышли из крематория и медленным шагом пошли к стоянке, где оставили мотоциклы. Фигура семнадцатилетней девушки привлекала к себе внимание, пожалуй, всех проходящих мимо. Люди вокруг были сплошь и рядом одеты в черное или хотя бы темно-серое, так что Алиса в белоснежном кожаном байкерском комбинезоне, расшитом алыми всполохами, буквально казалась белой вороной. Короткие волосы, которые она тоже всегда высветляла до платинового блонда, только усиливали эффект. Алексей был одет чуть более традиционно – в черную кожаную куртку и такие же кожаные штаны, и смотрелась эта парочка довольно контрастно, особенно если учесть рост: белая макушка едва доставала парню до подмышки.

– Спасибо, – тихо сказал он.

Алиса с недоумением взглянула на него.

– Ну... за отпевание. Я думал, с попами договориться невозможно, если человек некрещеный. Вовке-то, наверное, все равно... Я во всю эту байду потустороннюю не верю, а вот маме его важно было.

– А, ерунда. Я просто этого священника знаю. Пересекались, – ухмыльнулась она. – А ты, значит, у нас рационал-агностик?

– Что? – настала очередь Алексея удивляться.

– Верить только в то, что видишь и можешь пощупать. А как же вампиры, ведьмы, привидения, оборотни и прочее?

Он скептически фыркнул и ухмыльнулся:

– А ты? Верить во все эти гороскопы, Таро, женскую ведьмовскую энергию, да?

– За кого ты меня принимаешь? – с насмешкой откликнулась она.

– О, смотри. Кажется, у нас проблемы, – Алексей кивнул в сторону стоянки. Около мотоцикла Алисы двое полицейских поджидали его владельца. Алиса каталась на «Кавасаки-Ниндзя», на той самой модели, которая держала мировой рекорд в скорости среди мотоциклов – более четырехсот километров в час. Но создавали его не для обычной езды по дорогам. Этого черного монстра нельзя было поставить на учет в полиции и получить номера. В фабричной комплектации у него даже не было зеркал заднего вида – просто потому, что на треке они не нужны.

Скорее всего, полицейских привлекло именно отсутствие номеров.

Алиса, не сбавляя шага, достала из кармашка комбинезона шуточное удостоверение, купленное в интернете. Снаружи оно выглядело очень солидно: красная обложка с золотым гербом.

– Проблемы? – спросила она с вызовом, подойдя к двум мужчинам в форме. Алексей оказался за ее спиной и пока молчал, копаясь в кармане в поисках наличных.

– Это ваш мотоцикл? – спросил полицейский помоложе.

– Разве так надо начинать разговор? – холодно отчеканила она, – Кругом! Отойти! Подойти и представиться по всей форме!

Аура, которую она распространяла вокруг себя, конечно, не заставила полицейских буквально выполнить приказ, но те на всякий случай подобрались и предпочли действовать по уставу.

– Лейтенант Прохоров, – махнул корочкой перед ее глазами старший.

– Старший сержант Копейкин. Ваши документы, пожалуйста, – не очень уверенно сказал молодой.

– Совсем другое дело.

Алиса развернула перед ними удостоверение.

Страх! Много страха! Эта эмоция обильно плеснула в глаза полицейским от красной корочки.

– П...прошу прощения... ошиблись, – тут же отреагировал лейтенант, на всякий случай взял под козырек, развернулся, и они с напарником выпрямили спины и, как по команде, стремительно пошли прочь почти строевым шагом.

– Ого! Ты раскрываешься с неожиданных сторон, – прокомментировал стоявший позади Алисы Алексей. – И кто ты на самом деле?

– Много будешь знать, скоро состаришься. Или мне вообще придется тебя убить, – буркнула она, пряча удостоверение в карман.

Не могла же она ему показать, что там внутри, на фоне российского триколора, слева, как положено, ее фотография, имя, фамилия и отчество, а справа – только огромная издевательская надпись «Свои».

Алексей подумал, что она шутит, и фыркнул. Алиса поняла, что так просто он не отстанет, поэтому пришлось сочинить ответ на ходу:

– Откуда высокие должности в мои семнадцать, я тебя умоляю! Один знакомый подогнал крутую корочку. Поехали, пока эти не сообразили и не вернулись, – улыбнулась она и оседлала байк.

* * *

Ветер нес тополиный пух вдоль канала Грибоедова и собирал в мягкие валики-подушки у поребриков. Рыжий с опаской бросил взгляд на громадную сизую тучу, которой заволокло половину небосклона. Приближался не просто дождь, а самая настоящая буря, от которой никакой зонт не спасет. Такие удары стихии не могут быть долгими, и разумнее всего было переждать непогоду в каком-нибудь кафе.

Рыжий оглянулся в поисках ближайшего заведения. Выбор был невелик: полуподвальная забегаловка с длинным англоязычным названием, разглядеть которое с такого расстояния не получалось, и скромная «Мята» с большими витринами. Надпись на одной из них как раз обещала «кофе со вкусом сидра и перри».

Перед глазами сразу возникла оранжевая с красноватым отливом груша, и Рыжий, как замороженный, пошел туда. Ему очень нравился тот характерный оттенок оранжевого. Перед дверью что-то заставило его остановиться и заглянуть в кафе через витрину – за ней как будто мигнула красно-оранжевая надпись или отражение, но когда он присмотрелся, оказалось, что никаких ярких надписей там нет. Зато внутри за столиком прямо возле окна разворачивалось крайне интересное действо: сидевшая напротив парня девушка явно была на взводе и говорила так громко, что слышно было даже Рыжему на улице:

– То есть ты опять хочешь сказать, что между вами типа ничего нет?

Парень вяло пожал плечами. Так, словно эта сцена давно стала обыденной частью ежедневной рутины. Девушка достала смартфон. Рыжий стоял близко к парочке, и от вида гаджета его замутило. У него была странная аллергия на все цифровое: компьютеры, телефоны, приставки. Из-за этого он так и не смог позволить себе ни учебу, ни нормальную работу.

Однако, несмотря на близость этого мерзкого мерцающего экрана, Рыжего так тянуло к витрине, что он, уже дернувшись к двери, тут же вернулся обратно. Парочка была очень занята друг другом и его, слава богу, пока не замечала.

– Сначала ты все ее фотки лайкаешь, а потом вы одно и то же кафе тегаєте – это тоже случайно?

Парень закатил глаза:

– Ну сколько можно, а? Ну камон! Мы просто друзья. Задолбала уже со своей ревностью. Рыжий приник лицом к стеклу, не особенно опасаясь, что его заметят или сочтут странным. Приближался тот самый момент! Для девушки эта фраза стала последней каплей. Ее глаза расширились от возмущения, и она вскочила с места:

– Вы, значит, друзья, а я задолбала?

Девушка схватила со столика бумажный стаканчик, в котором осталось еще достаточно кофе, и замахнулась, чтобы выплеснуть горячий напиток вместе с ревностью в лицо этому ненавистному кобелю.

Оранжевый! Так много оранжевого! Вкус грушевого сидра. Пора!

Рыжий вздохнул и разом втянул в себя все без остатка.

Он даже не заметил, как девушка вздрогнула, недоуменно посмотрела на стаканчик в руке, села за столик и спокойно продолжила беседу, а парень удивленно уставился на нее, пытаясь понять, что это было.

Мир поплыл у Рыжего перед глазами. Наслаждение разливалось по телу. Он сделал пару нетвердых шагов, понял, что сейчас упадет, прислонился спиной к стене, медленно сполз по ней и сел прямо на тротуар. Теперь ему было наплевать и на приближающуюся бурю, и на то, что скажут прохожие. От такого кайфа сознание уплывало прочь.

– Наркоманов развелось! – фыркнул кто-то, проходя мимо, но Рыжий слабо воспринимал реальность. Ему было хорошо.

* * *

По Невскому, обгоняя поток машин, летел небольшой кроссовер со светловолосым двадцатилетним парнем за рулем. Денис вел машину уверенно и даже несколько расслаблено, несмотря на рискованные перестроения.

Он остановился у светофора. Девушка, переходившая дорогу по пешеходному переходу, искоса бросила на него лукавый взгляд и еле заметно улыбнулась. Денис равнодушно проводил ее взглядом. Он знал, что многие считают его красавчиком: спортивный, подтянутый, ростом чуть выше среднего. Лицо у него было волевое, решительное, с едва уловимым отпечатком непростой судьбы. Он смотрел на мир так, будто постоянно ждал подвоха: напряженно прищурившись и исподлобья, слегка наклонив голову вниз.

Лежащий на пассажирском сиденье смартфон вдруг коротко хрюкнул. Денис резко вильнул в правый ряд и остановил машину. Сзади тут же возмущенно засигналили, но ему было наплевать. Сообщения из девелоперского, админского режима приложения ЭМРОН – а только на них стоял такой звук – важнее машин на дороге.

На экране пульсировала яркая оранжевая точка. ЭМРОН зафиксировал у одного из пользователей резкое изменение эмоционального фона с максимального уровня до нуля. Это однозначно говорило о работе эмера.

Денис увеличил карту на экране: кафе «Мята». Совсем рядом – всего в паре кварталов.

Он резко дал по газам и пролетел на красный свет, распугивая ступивших на дорогу пешеходов.

Лишь бы успеть!

Хотя, судя по мощности впитанной эмоции, у эмера сейчас должен быть неслабый приход и вряд ли он будет в силах уйти далеко, все равно нужно было спешить.

Пролетая на визжащих шинах очередной поворот, Денис попытался вспомнить, что означает оранжево-красный. Кажется, ревность.

* * *

В то же время неподалеку от «Мяты» на парапете канала Грибоедова сидели четверо парней. Прохожие интуитивно старались обходить их стороной: кто знает, чего ждать от одетых в черное, размалеванных фриков. Да и вели себя эти парни странно: заторможенные, словно под кайфом, да только глаза у них были абсолютно трезвые и злые, а еще слишком черные и как будто бездонные, но заглядывать в них ни у кого желания не возникало.

Они чем-то напоминали отдыхающий львиный прайд. Вальяжные, апатичные, но готовые сорваться с места, если вдруг мимо пройдет неосторожная антилопа. Так и случилось: они встрепенулись и резко обернулись в одном и том же направлении – туда, где за домами на мгновение разлилось и тут же исчезло оранжево-красное зарево. Четверка парней переглянулась.

– Близо, – сказал высокий и светловолосый, который явно был за главного, и внезапно рывкнул: – Погнали!

Вся компания спрыгнула с парапета и рванула бегом в сторону оранжевого всполоха.

* * *

Рыжий постепенно приходил в себя, хотя по телу еще разливалась приятная истома и двигаться совершенно не хотелось.

Он апатично наблюдал, как прохожие, брезгливо морщась, обходят его стороной и как из-за угла выбегает странная компания парней в черном и уверенно направляется к нему.

Только спустя несколько секунд инстинкт самосохранения все-таки достучался до опьяненного мозга и взвыл как сирена: они не просто так идут к нему. Тут что-то не так!

Драки Рыжий не боялся: сам он никогда никого не бил, но и боли от побоев совершенно не чувствовал с самого детства, отчего обидчики всегда быстро теряли к нему интерес. Но тут дело было в чем-то еще. Обступившие его парни больше всего походили на стаю волков, загнавшую долгожданную добычу, но задирать и бить вроде бы не собирались.

Рыжий попытался подняться сам, но его вдруг резко дернули вверх, грубо затащили в ближайшую подворотню и впечатали спиной в стену.

– Приве-е-е-ет, хороший мой, – противно растягивая слова, произнес парень с белыми волосами и абсолютно черными глазами с обильной угольной подводкой. Белоголовый нетерпеливо облизнул губы и неожиданно приблизился к Рыжему, будто хотел его поцеловать.

Отшатнуться Рыжий не мог, поэтому невольно заглянул в черные глаза и замер. На него смотрела бездна. Она затягивала, как могучий водоворот, и оторвать взгляд или хотя бы моргнуть было невозможно.

Разум взвыл от страха и предчувствия чего-то непоправимо страшного, но тело уже парализовало, и Рыжий ничего не мог сделать. Последним, что он услышал, прежде чем сознание начало отключаться, был визг тормозов.

* * *

Денис еще издалека увидел, как канныбалы затащили рыжего парня в подворотню. Несмотря на сумасшедшую гонку, он все равно опоздал, и эти хищники нашли эмера первыми. Медлить было нельзя: несколько секунд, и они высосут парня целиком, сделают из него безвольного овоща. После такого эмеры уже не восстанавливаются. Врачи традиционно поставят диагноз «инсульт», и несчастный до конца своих дней будет лежать тряпочкой на кровати, ходить под себя и постепенно гнить, пока организм окончательно не сдается.

Денис с визгом шин повернул прямо в арку, моментально оценил обстановку и сходу снес крайнего каннибала бампером, отбросив его метра на три.

Для таких случаев у него под рукой всегда хранилась бейсбольная бита – лежала на полу за передним сиденьем. Денис видел, что каннибал уже присосался к парню и счет пошел на доли секунды. Дальнейшее слилось в одно плавное и быстрое движение: открыть дверь, выскочить, успев схватить биту и замахнувшись, врезать со всей силы по ногам белоголовому, который высасывал эмера.

Каннибал рухнул как подкошенный, и визуальный контакт прервался. Дальше можно было не так спешить, но превратился ли рыжий парень в овоща, Денис пока не понял – потом разберется.

Он замахнулся второй раз, и оставшаяся парочка отпрыгнула в сторону.

Они никогда не сопротивлялись и не дрались. Как и сам Денис, каннибалы не чувствовали боли, но бита есть бита, а сломанные кости – это в любом случае не шутки. Хочешь – не хочешь, пара недель в гипсе обеспечена, особенно если, к примеру, сломать обе ноги, а такой срок может каннибала и добить. Это эмеры без нужных эмоций хирели постепенно, теряли иммунитет и заболевали. Каннибалов ломка сжигала быстрее, жестче и сильнее сказывалась на психике. Месяц на голодном пайке разрушал их рассудок до такой степени, что каннибал превращался практически в животное и заканчивал либо самоубийством, либо внезапной смертью в психбольнице.

– В пролете, уроды, – сообщил им Денис, заметив, что Рыжий приходит в себя.

Уцелевшая парочка смотрела на него с ненавистью. Белоголовый, почему-то улыбаясь, уже поднимался с асфальта.

Денис взял Рыжего под руку и потащил к машине. Тот еще ничего не соображал, но хотя бы мог самостоятельно идти. Уже удача.

Нападения со стороны каннибалов можно было не ждать. Они, как и эмеры, не только не чувствовали физической боли, но и не были способны причинить ее другим.

Денис затолкал парня в машину, прыгнул за руль и с пробуксовкой рванул прочь.

Рыжего била крупная дрожь, но он постепенно приходил в себя. Видимо, все-таки успел глубоко нырнуть в бездну глаз каннибала. На вид парень казался чуть старше Дениса – ему было около двадцати трех, – но выглядел таким худым, слабым и тщедушным, что серьезного сопротивления с его стороны можно было не ожидать.

Денис ехал спокойно. Погони не будет. Все-таки у него, как у полукровки, есть свои преимущества. Пусть он не способен использовать эмоции, как чистокровные эмеры, но возможность разбить кому-нибудь хрюльник в кровь иногда служила решающим аргументом. У каннибалов против него есть шансы, только если их соберется больше десятка. Тогда они могут задавить массой, и, пока он будет месить их кулаками, кто-нибудь да успеет заглянуть в глазки.

Боковым зрением Денис видел, что парень на пассажирском сиденье все еще в паническом ступоре и постоянно оглядывается назад.

– Кто это? Кто это был? – наконец выдавил он из себя.

Ну и что ему ответить, чтобы не читать целую лекцию, которую он все равно не воспримет в таком состоянии? Рыжий парень явно был из самородков и в жизни эмеров не понимал ничего, а долгие заумные разговоры Денис вести не умел. Он пару раз пробовал, но в итоге плюнул. Вот доставит новенького к Глебу, тот все ему и объяснит. А сейчас и пытаться не стоит.

– Каники, – коротко сказал он, не отвлекаясь от дороги.

– Кто?

– Узнаешь. Совсем скоро.

Рыжий в панике оглянулся по сторонам, пытаясь понять, где они находятся.

– А... куда мы едем?

Денис не ответил.

Рыжий начал впадать в истерику. Он зачем-то подергал ручку двери, как будто собирался выпрыгнуть на ходу, но та, естественно, была заблокирована. Денис не обратил на это внимания. Такое поведение было объяснимо и предсказуемо: за пережитым нападением каннибала всегда следовал выброс адреналина и паническая атака, которая повторится еще не раз и не два.

Рыжий истошно закричал:

– Останови!

Денис даже ухом не повел, обгоняя очередную машину и лихо сворачивая на тихую улочку, ведущую к лесопарку. Тут парню стало совсем худо. Наверняка он воображал, что его сейчас убьют и тихо прикопают среди деревьев. Можно было не бояться, что Рыжий полезет в драку или в панике начнет хвататься за руль. Махать кулаками он не станет. У эмеров другие методы.

Парень на пассажирском сиденье насупился и начал буравить Дениса взглядом. Смешно. Во-первых, ну что он сделает этой своей ревностью? Ладно бы чем-то посерьезнее владел. Во-вторых, это на людей воздействовать просто. У них, как сказал бы айтишник, все порты открыты. А чтобы повлиять на эмера, нужна особая сила, которой у наполовину опустошенного каннибалом взяться неоткуда. Денис почувствовал слабые попытки пробить его защиту, но никак не отреагировал.

– Даже не думай наводить, прибыю, – равнодушно сказал он.

Краем глаза Денис заметил на промелькнувшей мимо остановке рекламный щит с круговым спектром и надписью: «Полный контроль над эмоциями! Новая социальная сеть ЭМРОН».

Глава 2

Винтажный «бентли» Жанны, в котором не было ни грамма современных цифровых технологий, миновал ажурные автоматические ворота, щедро снабженные камерами наблюдения, проехал по белоснежной дороге из мраморной крошки и остановился у дверей особняка. Она дождалась, пока водитель откроет дверь и подаст руку. Сегодня ей нужно было излучать уверенность. Опыняющий эффект подпитки огромного зала уже прошел, и осталась только чистая энергия, которая кипела внутри и требовала выхода. Жанна была полностью готова к вечерней встрече глав семей.

Совет обещал быть сложным. Жанну нервировало, что приходится идти на встречу, которую созвала не она. И она пока не понимала, по какому поводу: появились ли срочные новости, достойные внимания глав семей, или же это попытка играть против нее как руководителя совета. Придется разбираться по ходу заседания. Для этого требовалось быть собранной и преисполненной уверенности и энергии. Поэтому, когда в холле к ней подошел Димитрий, она отмахнулась:

– Не сегодня.

– Дело касается Алисы, – сказал священник, когда она уже прошла мимо.

Жанна остановилась, глянула на него вполоборота, но в последний момент передумала спрашивать.

– Я сказала – не сегодня.

Ей не понравилось, что Димитрий счел возможным послушаться и попытаться таким примитивным образом манипулировать ее вниманием. Хотя зародить легкое беспокойство ему удалось. Проходя мимо экономки, которая поприветствовала хозяйку, Жанна спросила:

– Где сейчас Алиса?

– Приехала час назад и теперь занимается с Учителем.

Жанна поморщилась. Она не одобряла эту бессмысленную трату времени. Зачем махать мечом той, кто никогда не сможет пустить его в дело? Но каждый раз, когда об этом заходила речь, дочь парировала, что йайдо в первую очередь закаляет дух, а не учит рубить врага. И, дескать, в сражении с тенью сокрыт глубокий смысл, который заключается в том, что твой главный соперник – ты сам.

Всю эту восточную чушь Жанна не признавала и не понимала, хотя в открытую возражать Учителю не смела. Среди глав семей эмеров он пользовался заоблачным авторитетом. Ей очень везло, что такая ерунда, как власть и деньги, совершенно не волновали старика, о котором было известно так мало. Никто не знал ни его точный возраст, ни происхождение, ни даже эмер ли он. Все были уверены, что это так, потому что люди к тайнам семей не допускались, а те, кто приближался к раскрытию факта их существования, безжалостно уничтожались. Однако какой эмоцией подпитывался Учитель и когда успевал это делать, оставалось тайной. Если столь уважаемый старец считает, что ее дочери необходимо часами махать острой как бритва железкой, то, вероятно, какой-то смысл в этом все-таки есть.

Алиса находилась дома, и это было хорошо. Что бы там ни хотел ей сообщить Димитрий, непосредственно безопасности ребенка это не касалось, а все остальное могло подождать, пока не закончится совет.

Жанна отдала несколько распоряжений, чтобы зал для совещаний подготовили к приему важных гостей, и прошла к себе. По дороге она заглянула в класс для занятий, где сейчас сидело шестеро ребят разного возраста – от семи до двенадцати. Утро и день они проводили в обычной частной школе, а после приходили сюда изучать более важные и практичные для эмеров предметы. Кажется, сейчас она застала историю.

– Маша, назови, пожалуйста, наиболее известных эмеров начала двадцатого века с указанием эмоциональной специализации, – попросила преподавательница, заметив ее. – А Жанна Аркадьевна послушает.

Одиннадцатилетняя девочка смутилась, встала с места и нервно поправила юбку, но ответила довольно бодро:

– Ганди – миролюбие; Рахманинов – тревожная восторженность; Дисней – радость и веселье. Кстати, еще Чаплин – у него тоже радость, но с другим оттенком...

Ученица продолжила перечислять, называя другие громкие и известные имена, но учительница ее остановила:

– Благодарю, достаточно. Виктор, а тебе задача посложнее. Расскажи, почему перечисленные персоны, несмотря на их заслуги, не могут служить для вас примером и вам не следует быть похожим ни на кого из них.

Парень лет двенадцати мельком глянул на Жанну и ответил с места:

– Может, потому что они слишком знамениты?

– Правильно! Веками наши семьи не только укрепляли свое положение в обществе, но и добросовестно охраняли тайну нашего существования. Чрезмерная известность всегда приводит к повышенному вниманию, а это серьезные риски. Излишне популярный в народе эмер обречен на одиночество. Он вынужден покинуть свою семью, лишиться ее поддержки и жить среди людей.

Жанна поморщилась. Ее известность тоже находилась на грани, что вызывало осуждение у некоторых глав. Возможно, сегодня ее снова будут за это корить.

– Как дикие? – спросила семилетняя Надя.

– Не совсем, – натянуто улыбнулась учительница.

Жанна, уже собиравшаяся уйти, заинтересовавшись, обернулась. Преподавательница ступила на очень тонкий лед, и было любопытно, как она вывернется.

– Все перечисленные – это классические эмеры. Такие же, как вы, но их специализация требовала известности, и им пришлось покинуть свои семьи. Вам понятно, почему в таком случае эмер обречен на одиночество?

Ученики кивнули, а Жанна недовольно нахмурилась. На что она намекает?

Учительница продолжила:

– Дикие – совсем другое дело. Они никогда в семьи не входили. Хотя они и стараются жить группами, а не по одиночке, это совсем другое. Как правило, дикие – самородки или полукровки, которым удалось сохранить способности. У них нет того образования, которое вы получаете здесь, им незнакома культура потребления эмоций. Вы, как и другие члены семей, собираете нужную эмоциональную энергию по крупицам, делая это незаметно.

– А дикие? – спросила девочка.

– Дикие не контролируют себя и выпивают нужное им чувство полностью. Это очень, очень плохо. Во-первых, таким образом они демаскируют себя, потому что любой заметит внезапное изменение настроения, а во-вторых, разрушают свою волю, поскольку передозировка эмоциями пагубно действует на психику и эмеру требуются все большие и большие дозы. А это ведет к чему, Коля?

Ученик вздрогнул, оторвался от тетради, в которой что-то рисовал, и растерянно оглянулся на остальных. Он был так увлечен, что прослушал вопрос.

– К каннибализму, – подсказал ему шепотом сосед по парте, но преподавательница услышала:

– Совершенно верно, Виктор. Большинство диких рано или поздно обречены закончить свой путь как каннибалы. Теперь все понятно?

Ученики кивнули.

Жанна вышла из класса. Для детей объяснение было идеальным. Но, к сожалению, слишком далеким от реальности. По ее данным, выходцев из семей среди диких было уже чуть ли не больше половины. Наверняка об этом заговорят на сегодняшнем совете. Иначе и быть не может, потому что эта тема волнует глав всех семей.

Когда-то обсуждалось даже уничтожение всех ячеек диких. Это решило бы столько проблем! Каннибалы без пищи и подпитки новенькими тогда исчезли бы, а риск демаскировки эмеров сошел бы на нет. Но пожалели. Сочли угрозу незначительной. Это все мама с ее идеализмом. Она надеялась, что их еще можно излечить и вернуть домой. А теперь... теперь убивать их рука не поднимется. У каждого клана среди диких есть покинувшие отчий дом дети.

Хотя одну ячейку Жанна истребила бы с превеликим удовольствием. Если бы смогла найти. В том, что Глеб собрал вокруг себя толпу поклоняющихся ему подростков, она не сомневалась. Кровь и образование должны были взять свое.

* * *

Алиса снова убрала меч в ножны и отошла к зеркальной стене. Зал был достаточно небольшим. Раньше это ее раздражало, но теперь она считала, что так даже лучше – задача сложнее, и от того больше азарта.

Ее мать, оборудуя это помещение, предполагала, что дочь будет заниматься балетом, поэтому когда-то здесь стоял станок, а две стены были увешаны зеркалами от пола до потолка.

Алиса поправила волосы и положила ладонь на рукоять меча.

Сейчас она выглядела как мечта косплейщика. Чем-то девушка действительно походила на героиню аниме: на тренировку она надевала кимоно исключительно белого цвета, который чаще других предпочитала в одежде. Волосы цвета свежеснега она всегда стригла в ассиметричное каре: слева над ухом очень коротко, а справа – почти до плеча. Меч сейчас покоился в белых пластиковых ножнах с серебристым узором.

– Готова.

Учитель – глубокий старик-азиат с седой бородой, одетый в черную мешковатую одежду – с закрытыми глазами сидел в углу зала на коленях. Казалось, что он спит или находится в глубокой медитации, но, услышав Алису, он опустил руку к лежащему на полу пульту и нажал кнопку.

Аппарат у дальней стены выплюнул теннисный мяч.

Алиса в тот же момент оттолкнулась и бросилась вперед. Одним плавным изящным движением она выхватила меч и рассекла мячик. На пол упали две неровные половинки. Таких там уже лежало десятка два.

– Почти промазала, – сказал Учитель, не открывая глаз.

Она подняла с пола неровный кусочек. И правда, мяч был разрублен не пополам: с него оказалась срезана крышечка.

– Черт! – Алиса вытерла пот со лба и снова вернулась к стене. – Готова!

На этот раз она и вовсе промахнулась, мяч просвистел мимо ее лица и врезался в зеркало. На пол звонко посыпались блестящие осколки. Она в недоумении обернулась. Давненько ей не приходилось менять зеркала.

– Как легко вывести тебя из равновесия, – равнодушно заметил Учитель.

– Так только у вас получается, – усмехнулась Алиса.

– У кого угодно получится, если он будет знать твои болевые точки. До этого дня я думал, что у тебя их ровно две, как и у всех эмеров. Одна – гиперкомпенсация эмоциональной дыры. Ты лишена того, чем можешь управлять у других. У тебя недостает страха, и поэтому ты обожаешь риск. На эту страсть тебя легко подловить.

– А вторая?

– Она тоже у всех эмеров практически одинаковая – тщеславие. Одно из следствий вашей неспособности любить других: больше всего вы любите себя.

Алиса помотала головой:

– Любовь к себе – это эгоизм...

– Эгоист уверен в собственном совершенстве, а вы нет, ведь с точки зрения полноты эмоций вы ущербнее людей. Поэтому вам непрерывно нужно искать подтверждение тому, что вы всех в чем-то превосходите, и всячески демонстрировать это превосходство. Это и приводит к тщеславию.

Алиса задумалась:

– Что-то обе версии совсем мне не подходят.

– Вторую ошибку ты допустила именно из-за тщеславия. Мое замечание задело тебя, и ты решила что-то доказать, вместо того чтобы успокоиться и очистить разум.

– Но ошибаться-то я стала раньше.

– Это приводит нас к третьей болевой точке. Твоей личной. Тебя кто-то беспокоит. Тот, с кем ты приехала к дому. Ты продолжаешь думать о нем, хотя я неоднократно говорил, что во время занятий разумом должна владеть пустота.

– Откуда вы знаете, что я приехала не одна? Никто не мог нас видеть! – возмутилась Алиса, но ответа не дождалась.

Тогда она подошла к Учителю и присела рядом.

– Давно хотела у вас спросить. Вы знаете эмеров лучше всех, но всегда говорите о нас во втором или третьем лице. Всегда «вы» или «они», но никогда не «мы». А сами вы кто?

– А ты как думаешь? – Учитель наконец открыл глаза и посмотрел на девушку.

– Человека бы никогда не пустили в семью или давно убили бы, согласно второму основному правилу. Но, кажется, вы и не эмер. Никогда не видела, чтобы вы подпитывались эмоциями, а мы без этого не можем. Да и аура у вас какая-то... никакая. Вдруг вы тот самый супер-эмер? Избранный? Это ведь вы придумали легенду, в которую все поверили. Сначала этим занималась бабушка, а теперь и мама всю ищет этого самого уникального, а вы всегда сидели тут и посмеивались, глядя на их старания.

Уголки рта учителя поднялись в едва заметной улыбке.

– Тщеславие. Опять оно говорит. Ты пытаешься смотреть на меня через эту чуждую мне эмоцию. Нет. Я не избранный. Тот станет надеждой на спасение для всех эмеров и одновременно величайшей угрозой для них. А я лишь старый скромный монах, который обучает самоконтролю юных девиц.

– Ну да, будь я избранным, говорила бы точно так же, – фыркнула Алиса.

– Ты слышала, как звучит предсказание? – спокойно спросил Учитель.

– Нет... Вряд ли. Только со слов мамы.

– Она тоже никогда не слышала оригинала. Даже твоей бабушке не хватило внимания, чтобы запомнить его полностью. Она уцепилась за самую идею и не захотела замечать детали.

– Какие? Что они упускают? – Алиса так заинтересовалась, что подалась вперед и вся превратилась в слух.

– Избранным не рождаются. Это процесс развития, воспитания. Он должен вобрать в себя силу и слабости людей, эмеров и каннибалов.

– Каник-избранный? – фыркнула Алиса и расхохоталась. – Но ведь пути назад нет: как только ты высосал другого эмера, ты навсегда превращаешься в каннибала. Вы хотите сказать, что на самом деле мама не там ищет?

– Она вообще не ищет, – слегка улыбнулся Учитель. – А я хотел сказать только то, что сказал.

Алиса задумалась:

– Кстати, вы изящно ушли от вопроса, почему вам не нужна подпитка эмоциями.

– Ну-ка, ответь: почему эмер не может жить без подпитки человеческими чувствами? – Учитель повернулся к девушке.

– Потому что иначе подорвет свое здоровье. Убьет иммунитет, подхватит онкологию или еще что-нибудь. Это же всем известно, – удивилась Алиса.

– Неправильно. Потому что без подпитки у него возникает дисбаланс энергии, что приводит к проблемам с организмом. Представь, что ты – дырявая чашка. В ней нет покоя, вода постоянно в движении, образует воронку и выливается в дыру. Вот ты и вынуждена все время подливать в себя воду извне. У тебя отсутствует одна из эмоций. Ты можешь ее контролировать, но для тебя это дыра, через которую утекает твоя остальная энергия.

– А вы – не дырявая чашка?

– Дырявая. Но пустая. Во мне нет водоворота, и поэтому баланс не нарушен. Я уже много раз говорил: избавься от эмоций – избавишься от проблем. Эмер, находящийся в равновесии и не испытывающий никаких чувств, не нуждается в подпитке.

Алиса фыркнула:

– Легко так говорить, когда вам больше ста лет. В моем возрасте это просто невозможно!

Учитель снова отстраненно улыбнулся, не разжимая губ.

– Еще как возможно.

Он закрыл глаза и, сохраняя блаженную улыбку на лице, погрузился в воспоминания.

* * *

Три дня назад.

Эта комната чем-то напоминала ту, где Алиса тренировалась. Тоже аскетичная, светлая, с минимумом мебели. На полу, скрестив ноги, на маленькой подушечке сидел Учитель. Напротив него, также на полу, разместились светловолосая девушка семнадцати лет, одетая в бесформенную светлую пижаму. Внешне она была противоположностью миниатюрной Алисы, которая являла собой образец нордической голубоглазой красавицы. Девушка отличалась высоким ростом, а ее огромные карие глаза создавали яркий и необычный контраст со светло-русыми длинными волосами.

Небольшой деревянный столик для чайной церемонии сейчас служил ей мольбертом, и, положив на него листок бумаги, она что-то рисовала простым карандашом. Две чашки, чайник с заваркой на металлической подставке и горящая под ним свечка стояли неподалеку на полу.

Девушка склонила голову набок и критически посмотрела на получившуюся картинку.

– Катя, покажи мне, – попросил Учитель.

Она пожала плечами и небрежно приподняла листок за край так, чтобы ему было видно. Там на белом фоне простым карандашом была мастерски нарисована бабочка. Катя каким-то непостижимым образом сумела поймать движение, и было видно, что бабочка летит, а не просто замерла, наполовину сложив крылья.

– Красивая? – спросил Учитель.

– Красота – это слияние эмоционального состояния смотрящего и предмета, а не свойство бабочки. Она просто правильная, – ответила девушка совершенно ровным тоном, лишенным эмоций.

– Тебе нравится?

– Нет, – все так же спокойно ответила Катя. – Я не испытываю к ней никаких чувств.

Учитель улыбнулся.

– Тогда сожги рисунок, – посоветовал он.

Катя посмотрела на чайник, сняла его с подставки и положила на его место поверх свечки лист бумаги. Тот немедленно вспыхнул.

– А вам он понравился? – спросила она, смотря на пламя.

– Мне нравится твое состояние. Оно практически безупречно.

– Практически. Значит, не полностью, – Катя перевела взгляд на Учителя. Даже в этот момент в его глазах не промелькнуло ни тени эмоций.

– Оно настолько безупречно, насколько возможно в твоём возрасте, – медленно кивнул Учитель. – Урок на сегодня закончен. Увидимся в пятницу.

* * *

Наши дни.

Первые гости прибыли около восьми. Все должно было выглядеть как обычная светская вечеринка на Рублевке: шикарные платья, дорогие костюмы. Только в каждой входившей в особняк паре один, как правило, мужчина, проходил в зал для совещаний, а его спутница или спутник – в гостиную. Там, взяв бокал шампанского у официанта, они старательно изображали, что им крайне интересно вести ничего не значащие беседы с остальными им подобными.

Жанна вошла в зал последней, вслед за одиннадцатым членом совета. Их всегда была дюжина. Последние лет двести это правило нарушалось только во время двух мировых войн.

– Приветствую вас, – сказала она и кивнула. – С момента нашей предыдущей встречи прошло не так уж много времени, – это был маленький намек на ее недовольство тем, что совет собрался в срочном порядке по чужой инициативе, – поэтому предлагаю не тратить драгоценное время на обмен любезностями и новостями и перейти сразу к делам. Как я поняла, у Олега Сергеевича из Санкт-Петербурга есть некие вопросы, которые он поспешил вынести на общее суждение. Прошу. – Жанна широким жестом передала слово своему потенциальному сопернику.

Худой высокий мужчина в строгом костюме стального цвета кивнул и заговорил.

– Господа! Я хотел бы на примере одного частного вопроса обсудить глобальную тенденцию, которую мы часто затрагивали, но так и не пришли к какому-либо решению. Начну с того, что меня крайне беспокоит набравшее в последнее время популярность приложение ЭМРОН, которое люди используют на смартфонах, умных часах и фитнес-трекерах. Наши подозрения недавно подтвердились: эта программа способна фиксировать активность эмеров. В первую очередь речь, конечно, о диких, но риск обнаружения резко возрос и для представителей семей. Не секрет, что среди нас есть те, чья эмоциональная специализация настолько узка и специфична, что исключает массовое применение. Пока мы остаемся незамеченными, но рано или поздно разработчики приложения обратят внимание на аномалии и сделают элементарную настройку, позволяющую идентифицировать наше воздействие на людей. Вопрос уже не в том, произойдет ли это, а в том, как скоро это случится.

Жанна улыбнулась. Пока ничего нового соперник не сказал. Если это все козыри, которые он способен выложить на стол, то можно успокоиться: сегодня ей ничего не грозит.

– Это первая часть вопроса. Вторая связана с ней, но куда более глобальна. Цифровая экономика в целом. Очевидно, что мы остались на обочине и все больше теряем влияние и доходы. Тенденция такова, что очень скоро мы либо останемся нищими и никому не нужными, либо будем вынуждены изменить веками сложившиеся правила и начать нанимать в штат людей.

– Но ведь есть полукровки. Некоторые из них способны работать с цифровой техникой, – возразил представитель Поволжья.

– Их слишком мало. Да и способность нажимать кнопки еще не означает наличие таланта. Веками мы имели колоссальное влияние на крупный бизнес и политиков, но теперь все изменилось. Старая экономика либо переходит в цифровой формат, либо коллапсирует. Многие из нас еще имеют существенные доходы, но мы все понимаем, что цифровые технологии придут и в эти сферы – это лишь вопрос времени. А значит, для сохранения капиталов нам потребуется очень много специалистов, которые не испытывают неприятных ощущений при работе со смартфонами и компьютерами.

– Это все, что вас интересует? – прокрипел представитель из Новосибирска. – Деньги? Меня больше беспокоят дети. Наши дети! Те, которым не повезло со специализацией. Эти так называемые социальные сети убили эмоции. Электронные письма холодны и не дают такой подзарядки, как бумажные, а чувства, которые дает лицезрение картинок на экране – насквозь фальшивы, и те, кто вынужден ими подпитываться, обречены скатываться в наркоманию и уходить к диким. Попробуйте выжить в наш век, если вам необходимо любопытство или восторг от фантазии. Их вообще не осталось!

Жанна знала, что для него это больной вопрос. Оба его внука ушли к диким.

– Вот именно, – кивнул Олег Сергеевич. – Проблема в том, что мы бездействуем. Большая группа таких же клановых советов осуществляет план «Декомпозиция». Он заключается в разрушении глобализации, снижении уровня жизни и введении жестких ограничений на спектр эмоций от цифровых источников информации. Наши конкуренты с юга чувствуют себя гораздо лучше просто благодаря эмоциональности и религиозности населения. Наши проблемы коснулись их пока не так явно. На востоке тоже идут своим путем, который нам, вследствие особенностей азиатской психологии, не подходит. В итоге мы – аутсайдеры. Все надежды были на проект «Избранный», который так и не был завершен и, скорее всего, никогда уже не будет. Не пора ли выбрать новую стратегию и нового лидера, который поведет нас за собой? Иначе с нами вскоре перестанут считаться.

Вот оно! Жанна изобразила на лице холодную самоуверенную улыбку. Все-таки оппонент сумел вывернуть все так, чтобы постараться выбить из-под нее председательское кресло. Настала ее очередь парировать:

– С точки зрения научных исследований у нас нет оснований сомневаться в проекте. Текущие... временные трудности не должны нас останавливать. Расчеты показывают высокую вероятность...

– Это все мы уже слышали, – перебил ее оппонент из Петербурга. – Главный вопрос в том, можете ли вы назвать точные сроки. Где он, этот ваш избранный? Если прошлого вы потеряли раз и навсегда, то значит ли это, что эксперимент нужно начинать с чистого листа и снова ждать пять-шесть поколений, пока пересекутся нужные генетические линии? У нас нет столько времени.

– Да, Жанна Аркадьевна, – опять вступил сибиряк, – мы признали ваше лидерство в память о вашей матери, Марии Михайловне, и ее уникальном проекте, который вы продолжили. Мы надеялись на результат. Сколько лет прошло с ее смерти? Дюжина? Я уж и не припомню. Я допускаю, что ваш избранный где-то существует, но голос разума подсказывает, что если вы не смогли его найти за прошедшие годы, то вряд ли следующие десять лет что-то изменят. Ваша настойчивость и уверенность в том, что ваша дочь способна продолжить нужную генетическую линию и родить ребенка-избранного, достойна похвалы, но наш анализ говорит, что вероятность этого крайне низка. Начнем с того, что партнера, способного дополнить ее яйцеклетку нужными хромосомами, попросту нет.

– Мы ищем, – хрипло сказала Жанна. От волнения голос подвел ее. – Обоих. И Глеба, и подходящего партнера для моей дочери. Даже в России мы исследовали далеко не всех. Нам

может подойти даже кто-то из диких – психика не важна. Речь только о семени. И очень скоро мы найдем. Либо одного, либо второго.

– Сроки? Мы не можем и дальше кормиться одними обещаниями. Дело не столько в престиже, сколько в нашем выживании, – улыбнулся Олег Сергеевич.

Жанна с неприязнью посмотрела ему в глаза. Он уже праздновал победу, считая, что загнал ее в угол. Она не сможет отказаться от данного обещания, не настроив против себя всех. Придется назвать срок, и когда через обозначенный отрезок времени ее семья не сможет предъявить результат, у оппонента появится абсолютный козырь. Не факт, что он выиграет выборы, ведь взамен «Избранного» нужно будет предложить альтернативный план, но что-то у него в кармане явно припрятано. Сейчас Олег своих карт не раскроет. Он подождет ее падения.

– Три месяца. Ведь столько осталось до планового созыва совета? На нем я и предъявлю конкретные результаты, – улыбнулась Жанна.

Больше времени ей бы не дали. Какой бы срок она сейчас ни назвала, на следующей встрече ее либо сбросят с места председателя, либо она покажет им избранного в чреве дочери. Приводить на совет Глеба, даже если его удастся отыскать, она не хотела. Когда-то она обещала убить брата и от своих слов отказываться не собиралась.

Гости покинули зал и перешли в гостиную, к фуршетной зоне, а Жанна осталась сидеть в кресле. Оказавшись в одиночестве, она схватила стакан, который стоял на столе, и изо всех сил с криком швырнула его о стену. Стакан разлетелся фонтаном блестящих осколков.

Чертюва случайность! Как же она ее бесила! Никто не в силах предсказать, как перетасуются гены. Чтобы получить двух эмеров неслыханной силы, на подбор нужных комбинаций родителей, чьи возможности идеально дополняли бы друг друга, ушло два столетия. Партнер ее матери был определен еще до того, как та родилась. И вот долгожданный финал: у идеальной пары родилось два ребенка. Глеб, который обрел сверхспособности, тот самый избранный, ради которого затевался проект, и она, Жанна. Обыкновенный эмер. Чуть сильнее остальных, но не более того. Вот только сын теперь предатель, а дочь осталась верной последовательницей матери.

С Алисой повторилось то же самое. Жанна подобрала себе оптимального донора семени. К счастью, эмеры полностью лишены такого идиотского деструктивного чувства, как любовь, и рождение детей для них всегда было осмысленным действием, а не глупой случайностью. Дочь оказалась существенно сильнее матери, но все-таки не избранной. Далеко не избранной. Была ли надежда на то, что фортуна смилоостивится и наконец выдаст внуку или внучке Жанны нужную комбинацию карт?

Что ж. Ее загнали в угол, но еще не победили. Теперь за три месяца ей нужно найти идеального отца для ребенка ее дочери. Другого выхода не было. Это последняя ставка. Либо она сработает, либо Жанна потеряет все.

Глава 3

Москва, 1998 год.

Неподалеку от оживленного московского шоссе на зеленом косогоре лежали двое молодых людей. Девушка лет восемнадцати в легком светлом ситцевом платье и парень с непривычной для того времени стрижкой «боб», чуть старше ее – на год или два, – в модной тогда вареной джинсе. Свою куртку, тоже джинсовую, он беспечно бросил на траву вместо подстилки. Нина положила голову на живот Глеба и смотрела на белые облака в синем летнем небе, а он подsunул одну руку под затылок, чтобы лучше видеть ее безмятежную улыбку.

– Жалко, что не слышно птиц, – сказала девушка.

И правда, шум проносящихся мимо машин заглушал остальные звуки. Отдохнуть здесь они решили спонтанно. Долго гуляли по району города, где еще сохранилось некоторое деревенское очарование: прошлись по Козловскому лесу, забрели в конюшни погладить лошадей, а потом на пути к станции присели на траву. Место было странное, но зато никто им не мешал. Здесь редко ходили люди, а безликие автомобили молодую пару не особенно беспокоили.

Глеб улыбнулся, запустил правую руку в русые кудрявые волосы Нины и начал их не спеша перебирать.

– М-м-м... Люблю, когда ты так делаешь, – промурлыкала она.

– А я люблю, когда ты что-то любишь, – отозвался он. – Мне нравится делать тебе приятно.

Нина сорвала травинку, закусил ее губами и, повернув голову, лукаво посмотрела на него.

– Правда-правда?

– Конечно. Я... ради твоей улыбки готов покорить весь мир и подарить тебе все, что пожелаешь. Лишь бы ты радовалась и смеялась.

– И ты на все ради меня готов? – она игриво прищурилась.

– На все! – Глеб уверенно мотнул головой, отбрасывая длинную челку, которая постоянно сползала на глаза. – Что именно нужно бросить к твоим ногам, моя госпожа?

– Ничего особенного. Просто познакомь меня со своей мамой, – улыбка на губах Нины осталась, а глаза неожиданно стали серьезными. Она тщательно ловила малейшие изменения его мимики.

Глеб вздрогнул и тяжело вздохнул:

– Это сложно. Мне нужно ее подготовить.

– Ты это уже говорил. Месяц назад.

Он снова тяжело вздохнул, отвернулся и стал смотреть на проносящиеся по шоссе автомобили.

– Значит, для тебя это все несерьезно, – улыбка медленно сползла с губ девушки.

– В смысле? – Глеб приподнялся, оперевшись на локти. – Ты что?

Нина села и развернулась к нему:

– А как иначе объяснить то, что ты прячешь меня от своей семьи?

– Ну я же тебе объяснял. У мамы очень строгие принципы. Нужно найти подходящий момент...

– Иначе говоря, я тебе не пара! – Нина возмущенно смотрела на Глеба. – Это потому, что у тебя семья «новых русских», а я дочь слесаря и учительницы, да? Просто развлечение на месяц-другой? Я только что ради тебя отказалась от практики, можно сказать, будущую карьеру разрушила, а ты не в силах просто признаться маме, что у тебя есть девушка?

– Да что ты такое говоришь?! – Глеб сел, обхватил ладонями голову и взъерошил волосы. – Все не так!

– А что я, по-твоему, должна думать? Если бы ты относился ко мне серьезно, то вел бы себя по-другому.

– Ну я не могу... не могу объяснить! Просто поверь! Пожалуйста! Я найду момент, обещаю! С мамой все очень сложно.

– Вот что. Давай ты найдешь его до августа. Двух недель более чем достаточно. Потому что иначе я тоже пересмотрю свои приоритеты и все-таки уеду на полгода на Камчатку практику проходить. Тоже не решусь сказать куратору курса, что у меня вроде как парень есть. Договорились?

Нина поднялась с газона, отряхнула с юбки прилипшую траву и пошла в сторону расположенной поблизости железнодорожной станции.

– Нина! Нина, подожди! – крикнул ей вслед Глеб.

Девушка обернулась и помахала ему кончиками пальцев.

Глеб застонал от бессилия. Он точно видел в ее ауре чистый белый цвет любви, но сейчас его перекрывали синие всполохи горя и обиды и малиновое упрямство. Когда у Нины появлялся такой малиновый, это означало, что она все решила и спорить с ней бесполезно. Даже если ей самой эта принципиальная твердость приносила только боль, она все равно никогда не уступала. Глеб чувствовал, что несмотря на улыбку, которую она подарила ему напоследок, на глазах у нее выступили невидимые с такого расстояния слезы.

Он попал в капкан, из которого было не выбраться. Никак. Как рассказать Нине, что вся проблема не в ее родителях или их доходе, а в том, что она человек? И главное, если он попытается все ей объяснить, то подпишет любимой смертный приговор.

А как говорить о своих чувствах с матерью, он не мог даже представить.

* * *

Когда Глеб вернулся в особняк, который его семья купила только в этом году, винтажный «Майбах-Цеппелин» матери уже стоял на парковке. Она неожиданно вернулась раньше, хотя обещала, что до вечера будет на встрече. На семейный бизнес в очередной раз положила глаз одна из бандитских группировок, которые в последние годы росли как грибы после дождя, и мать намеревалась поехать разбираться.

За нее Глеб не беспокоился. Эмеры являлись на разборки без оружия, и подобные встречи всегда проходили в форме беседы, а не перестрелки. Хотя один раз мать, которая управляла паникой, без пушек, бит и рукоприкладства практически полностью уничтожила братву, «совсем потерявшую берега», как она потом объяснила.

Все это время он должен был сидеть в своей комнате и заниматься. Понадеявшись, что хозяйке особняка еще не рассказали о длительном отсутствии сына, он постарался тихо и незаметно прокрасться через гостиную к лестнице на второй этаж, где находилась его спальня, но в дверях его неожиданно нагнал вопрос матери:

– И где ты был?

– Гулял, – Глеб постарался ответить как можно невиннее.

Он обернулся и попытался угадать настроение матери, но не смог. Она закрылась, и в ауре не просвечивало никаких вспышек.

– С кем? – без какого-либо выражения спросила она.

Глеб отчаянно пытался понять, куда она клонит. К чему вообще весь этот допрос?

– А почему я должен отчитываться? Мне уже девятнадцать. Я взрослый самостоятельный...

– Взрослый? – с некоторой долей иронии спросила мать. – Самостоятельный? Ты заработал на дом? Живешь за свой счет? Или все-таки пользуешься тем, чем тебя обеспечила семья, перед которой у тебя есть ответственность и обязательства?

– При чем тут это? – смутился он.

– При том. Так с кем ты был?

– С... другом, – ответил он, но его голос дрогнул в самый неподходящий момент.

– М-м-м, – протянула мать с ироничной улыбкой. – И с каких пор ты целуешься с друзьями?

По спине пробежал холод, к лицу прилила кровь. Глеб понял, что краснеет, но ничего не мог с этим поделать. Выходит, за ними все-таки следили. Его регулярные исчезновения из дома не остались незамеченными, и мать приставила к нему наблюдателей. Или их с Ниной случайно заметили из проезжающего автомобиля. В конце концов, по шоссе могла ехать и сама мама, возвращаясь со стрелки. Отпираться смысла не было, но Глеб не мог придумать, что сказать, не подвергая Нину опасности.

– Да, у меня есть девушка. Вообще это нормально в моем возрасте. Не хотел рассказывать тебе об этом вот так, прямо сейчас, но раз уж так получилось...

Глеб осекся.

На лице матери не дрогнула ни единая мышца. Она явно давно разыграла весь этот разговор в уме, как шахматную партию, и пока он шел точно по ее сценарию, а мать лишь делала заранее спланированные ходы:

– Из какой она семьи? Ты же знаешь, как важны для нас генетические таблицы. Я должна проверить вашу совместимость...

– Она... ч-человек.

Глебу все-таки удалось удивить мать. Холодея от предчувствия, он отметил, как дернулся уголок ее глаза и слегка приподнялся край брови. Прежде чем случилась катастрофа, он тут же добавил:

– Она ничего не знает! Канон не нарушен!

Мать молчала, напряженно глядя ему в глаза. Глеб не выдержал и отвернулся.

– Как ты посмел? – выдавила она из себя.

– Влюбиться? Тебе не понять. Ты же лишена этого, – он предпринял слабую попытку контратаковать, но это было все равно что обстреливать танк горошинами из духовой трубки.

– Ты же знаешь, сколько сил мы потратили, чтобы ты появился на свет. Это у людей дети рождаются из-за глупой случайности и по любви. Для эмера рождение ребенка – глубоко осмысленная жертва. И жертва огромная: мы вкладываем здоровье, силы, время. А на тебе, к тому же, сосредоточили усилия десять поколений. Ты – избранный. Ты – надежда не только нашей семьи, но и всех эмеров.

– Это значит, что я не имею права на чувства?

– Да, не имеешь! – мать впервые за весь разговор повысила голос и заговорила жестким командным тоном. – Эмоции – удел тех, кто недалеко ушел от приматов. Ты – существо высшего порядка, которое контролирует чувства остальных. Тобой должен управлять чистый

разум, так что не уподобляйся животным. Ты не принадлежишь себе! Неужели ты не осознаешь, насколько важна наша миссия?

Глеб взорвался:

– Мне надоело! Надоело с детства выслушивать, что я всегда всем должен. Я хочу жить! Просто жить и иметь право на личное счастье. Да, вы столетиями выводили эмера, способного любить, и вот он я. Такой, каким вы меня задумали. Только я влюбился и ничего не могу с этим поделать.

– Мы создавали того, кому одновременно подвластен весь спектр эмоций. Любовь – всего лишь неприятный побочный эффект, – поморщившись, ответила на его тираду мать. – Но все именно так: ни ты, ни я не имеем права на личное счастье. Залог выживания семьи в том, чтобы все работали прежде всего на ее благо, а потом думали о себе. Такова наша жизнь, канон, основное условие нашего существования.

Дверь в гостиную открылась, и вошла младшая сестра Глеба – пятнадцатилетняя Жанна.

– О чем спор? – с любопытством спросила она, посмотрев на взбешенную мать и раскрасневшегося брата.

– Выйди! – жестко приказала мать.

Глеб не стал дожидаться, пока их снова оставят вдвоем.

– Я не желаю это снова выслушивать! Должен, должен, должен! Одно и то же каждый день! Я хочу свою собственную жизнь! И не надо меня постоянно тыкать мордой в то, что я живу в твоём доме. Если придется, могу уйти. Сам обеспечу и себя, и свою девушку.

– Да ну? – холодно улыбнулась мать. – Хотела бы я на это посмотреть. Ты – оранжерейное растение и даже не представляешь, каков внешний мир. Если тебя отпустить, ты не проживешь там и недели. Плавающие вокруг хищники сожрут тебя с потрохами! Так что ты будешь жить в моем доме и делать то, что я говорю!

– Посмотрим! – Глеб выбежал из гостиной, громко хлопнув дверью.

Мать обернулась к Жанне, которая даже не подумала выполнить приказ и пропустить такую сцену.

– Вот почему ты – бездарность, а он – избранный? Лучше бы было наоборот! – сказала мать и вышла из комнаты, не обращая внимания на то, что у ее дочери на глазах выступили слезы.

* * *

Санкт-Петербург, наши дни.

У особняка загрохотал мотор подъехавшего автомобиля, и Глеб встрепенулся в кресле. На вид казалось, что ему около сорока лет, но по печальным уставшим глазам можно было дать ему и больше. Одет он был в потертый твидовый пиджак, винтажную жилетку и рубашку – все приглушенных серо-коричневых оттенков, подходящих к его слегка взъерошенным темно-русые волосам с первыми признаками седины. Было видно, что он тщательно подбирает одежду, руководствуясь одному ему известными правилами, но в целом не особенно следит за внешним видом.

На подоконнике просторной, но аскетичной комнаты, больше похожей на мастерскую художника с рисунками, набросками и цветовыми схемами на стенах, сидела красивая стройная женщина, которой можно было дать «немного за тридцать». Она поймала встревоженный взгляд Глеба, лениво, как пантера, повернулась и посмотрела во двор.

– Вера, кто там? – не выдержав ее молчания, спросил он.

– Это не она, – спокойно ответила женщина. – Денис привез очередного самородка.

Глеб разочарованно откинулся на спинку кресла.

Вера продолжила:

– Хватит себя мучать глупой надеждой. Ты так себя убиваешь. Мы даже не знаем, жива ли твоя дочь, а ты вздрагиваешь от каждой приезжающей машины.

– Жива. Я знаю! Я чувствую! – энергично возразил он, погрозив пальцем. Глеб часто говорил короткими, рубленными, но крайне эмоциональными фразами.

– Ты просто хочешь так думать, потому что если это не так, то все твои усилия не имеют смысла, – горько усмехнулась Вера.

Глеб покачал головой, отгоняя от себя эту мысль.

– Ты не права! Ладно. Пойдем посмотрим, кого там Денис выловил.

* * *

Рыжий сидел на стуле в центре большого зала и испуганно озирался. С разных сторон к нему приближались странные на вид молодые люди, одетые пусть не в новую, но яркую одежду в совершенно невероятных сочетаниях, отчего у любого могло создаться ощущение, что он попал в логово сумасшедших фриков.

– Кто вы? Что вы от меня хотите? – испуганно спросил Рыжий.

Денис стоял рядом и придерживал его за плечо, чтобы тот от испуга не попытался бежать.

– Новенький! – с аппетитом сказал кто-то из группы собравшихся эмеров.

– Хорошенький! – добавил девичий голос.

К Рыжему приблизился парень в длинном шафрановом балахоне, похожем на одежду буддийских монахов.

– Добро пожаловать. Не бойся. Здесь ты можешь расслабиться. Ты нашел своих. Ты – один из нас.

– И...и... из вас – это из кого? – Рыжий обеспокоенно ерзал на стуле и все время озирался по сторонам, как будто опасался, что сейчас эта толпа накинется на него со всех сторон.

– Тебя называли эмоциональным вампиром? – улыбнулся косящий под буддиста парень.

Рыжий вздрогнул. Вопрос попал в точку.

– На чем он сидит? – спросил кто-то из толпы.

Денис посмотрел на экран смартфона:

– Оранжевый с примесью красного. Что это у нас? Ревность, по-моему.

Он сунул экран Рыжему под нос, и того сразу же замутило от вида электроники.

– О! Такого у нас еще не было! – сказала брюнетка в белом, с высветленным, как у гейши, лицом. Она подошла к Рыжему, присела рядом с ним на корточки и заглянула в глаза:

– Тебя всегда тянуло к ревнивым. Ты от них подпитывался, да? Пока однажды не всосал чужую ревность без остатка и не словил кайф? И с тех пор без этого тебе становилось очень-очень плохо, да?

Рыжий испуганно смотрел на нее.

– Иначе говоря, у тебя наступала ломка, – усмехнулся парень в шафрановом.

Девушка, раскрашенная под вампира, приблизилась к Рыжему сзади и внезапно впиалась длинными острыми когтями ему в плечо. Тот обернулся и удивленно посмотрел на нее.

– И боли ты тоже не чувствуешь. Как и мы все, – усмехнулась «вампириша».

Девушка в белом обхватила лицо Рыжего ладонями, повернула к себе и сочувственно произнесла, растягивая слова:

– И ты никогда никого не любил.

– Но это мы скоро изменим! – раздался голос Глеба со стороны парадной лестницы.

Эмеры обернулись и послушно расступились. Денис отпустил плечо новичка и отошел в сторону. Все, на этом его функция была выполнена, и теперь новеньким займется тот, кто многократно умнее и опытнее.

Глеб подошел к Рыжему.

– Ты всегда думал, что ты урод и что ты такой в мире один. Но это не так! Добро пожаловать домой. К таким же, как и ты.

На лице Рыжего появилась робкая улыбка.

– То есть вы все... тоже питаетесь эмоциями?

– Да. Мы – эмеры. А ты новый оттенок в нашем спектре. Необходимый и незаменимый элемент в достижении нашей цели. Смотри! – воодушевленно воскликнул Глеб и подошел к стене зала, на которой был установлен большой цветовой круг. Он, как мозаика, состоял из разноцветных кусочков стекла, расположенных так, чтобы образовывать непрерывный спектр. Однако на круге оставались пустоты.

Глеб включил подсветку за этой цветовой мандалой:

– У тебя же ревность, я правильно услышал? Оранжевый... с легким красноватым оттенком...

Он энергично перебрал стеклышки на столе рядом с кругом, нашел нужное и прикрепил его туда, где белело пустое пятно.

– Тебя нам как раз и не хватало! Осталось найти всего нескольких, и круг замкнется!

– А... зачем? – неуверенно спросил Рыжий.

– Тогда мы совершим чудо! В каждом из нас как будто зияет дыра: не хватает определенной эмоции. Она над нами не властна, и поэтому мы можем ей управлять: впитывать от других, перебрасывать от одного человека к другому. Но из-за этого эмеры не способны любить. Любовь – чистый белый свет, который рождается, только если все остальные оттенки на месте. Выдерни хоть один, и белого уже не получится. Можно испытывать влюбленность, обожание, жажду обладать, даже страсть – что угодно, кроме любви. Но если собрать все цвета вместе, то смотри, что будет!

Глеб крутанул круг, и все оттенки на нем слились. Разноцветные стекла быстро мелькали, и мандала от этого казалась практически белой.

– Вместе мы сможем подарить друг другу то, чего нам недостает. Осталось найти сильного проводника-универсала, который усилит наши эмоции, и тогда мы все обретем способность любить!

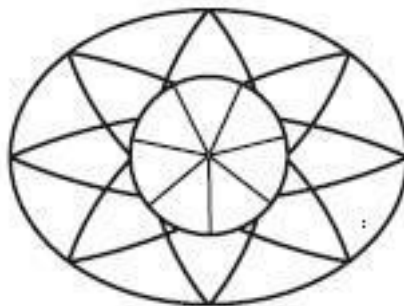
Рыжего заметно вдохновила речь Глеба. Денис видел это по его глазам. Так было с каждым новичком. Глеб каким-то образом подбирал нужные слова для любого. Потому он и был лидером.

– А где вы найдете такого проводника? – спросил Рыжий.

Глеб запнулся.

Денис посмотрел на Веру. Та грустно вздохнула и отвернулась. Новичок невольно наступил на самую большую мозоль.

Глава 4

Точно такой же цветовой круг, но на фоне логотипа ЭМРОН отображался на большом экране, возле которого стоял Макеев. В этот момент он буквально излучал уверенность и успешность. Настал самый важный день в истории его компании, к которому он шел столько сложных лет. От реакции инвесторов зависела возможность разместить акции на открытом рынке, а следом выйти на международный уровень. И тогда еще через несколько лет его имя окажется в одном ряду с Цукербергом и Маском.

Сорокапятилетний бизнесмен уверенно ткнул в один из оттенков красного на круге:

– Это гнев.

Красный стал ярче и заполнил весь экран. Постепенно он сменился на более темный бордовый оттенок.

– Это тоже гнев.

Оттенки красного начали мелькать один за другим.

– И это. И это. Слово одно, но чувства и нюансы разные. Нет гнева вообще, как и радости, горя, ревности, страха. Каждый раз это что-то уникальное. Поэтому любые системы управления гневом бессильны. Вы готовите человека к одному виду злости, а он испытывает совершенно другой оттенок. Поэтому люди не могут контролировать свои эмоции. Они дарят нам минуты радости, но сколько судеб было разрушено под воздействием эмоций? Сколько браков распалось? Сколько проектов навсегда остались незавершенными, потому что их создатель пошел на поводу чувств? Нейросеть приложения ЭМРОН действует по принципу визуальной обратной связи. Вместо того чтобы пытаться научить людей бороться с абстрактным гневом, мы предлагаем попробовать уменьшить оттенок красного в личном спектре, который отображается на экране смартфона или умных часов.

Он выступал в пустой комнате, где кроме него находились только звукорежиссер и операторы. Собеседники подключились из разных уголков мира и отображались перед ним на большом мониторе. На экране женщина с азиатской внешностью подняла руку. Макеев кивнул:

– Да, вижу, есть вопрос.

– Ровно так устроены все майндфулнес-приложения. Что нового вы предлагаете? – спросила она.

Он усмехнулся:

– Это как сравнивать ртутный термометр с томографией. Наша нейросеть благодаря любому фитнес-браслету способна улавливать тончайшие нюансы ваших эмоций и на лету создавать визуальную, а если хотите, то и музыкальную модель ваших чувств.

На демонстрации за его спиной круговой 3D-спектр под гармоничную нейтральную мелодию переливался разными оттенками. Внезапно на спектре появились всплески сиреневого, которые заполняли все большую часть экрана. Музыка зазвучала тревожнее.

– Остальные приложения пытаются вам что-то объяснить. Это чушь! Как можно логикой воздействовать на чувства? Здесь нет ни одного слова. Потому что слова врут. Слова – это двадцатый век. Сейчас все решает картинка. Представьте, что вами овладел страх. Как видите, начала доминировать сиреневая область. Но вот здесь, сбоку, есть немного зеленого. Это спокойствие, к которому вы стремитесь. И тогда вы стараетесь сделать так, чтобы зеленого стало больше и получилась спокойная картинка, гармоничная мелодия. Это намного проще, чем пытаться в чем-то себя убедить. Всего за несколько секунд вы приводите в порядок спектр и понимаете, что справились со страхом при помощи умиротворения. И не с каким-то абстрактным страхом, а именно с тем, который вы испытывали в тот момент.

Зеленый на экране вытеснил сиреневый, всплески утихли, спектр пришел в норму, и снова зазвучала приятная мелодия.

– Соцсети созданы не для того, чтобы делиться контентом. Когда мы публикуем фотографию котика или рассказываем другим о своей победе, мы, в первую очередь, хотим поделиться эмоцией. Мы все время ими делимся: мемы, видео, статусы, музыка – все это чувства. Нам хочется, чтобы другие ощутили то же, что и мы. В ответ нам интересно воспринимать эмоции друзей. Но сейчас все это делается при помощи костылей – слов и картинок, которые каждый воспринимает по-своему. Один, глядя на фото котенка на кухонном столе, умиляется, а другой подумает о жуткой антисанитарии и испытает отвращение. Нигде коммуникация не сбоят так сильно, как в социальных сетях. Наши эмоции понимают неверно, а дальше начинается хейт, блокировки, исключение из списка друзей. Из-за несовершенного инструмента передачи чувств мы получаем конфликты и вместо счастья обретаем нечто противоположное. – На экране замелькали скриншоты из соцсетей и гневные комментарии к нейтральным картинкам.

– В ЭМРОНе все не так. Вы буквально делитесь своими реальными чувствами. А наша социальная сеть находит вам тех друзей, кто эти чувства разделяет в данный момент. Или предлагает новых, с кем вы точно будете на одной волне. Забудьте обо всех известных вам социальных сетях. Это прошлый век, поиск единомышленников с завязанными глазами в темной комнате. Забудьте о сервисах знакомств, где вы ищете родственную душу по фотографии и паре строк. Все говорят, что социальные сети вместо того, чтобы объединить, разобщили людей и дали эрзац-эмоции. Фальшивую радость от фальшивых елочных игрушек. ЭМРОН способен все исправить. Он даст вам возможность познакомиться с теми, кто чувствует так же, как вы. Способен любить, как вы. Радоваться, как вы. Тех, кто гневается по тем же причинам, что и вы. Это новая эпоха в мире коммуникаций, которая вернет людям чистые эмоции и возможность разделить их с теми, кто вам по-настоящему близок и способен их оценить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.